

Жив.. Это я понял по гулкому звону, который наполнил меня. Звон появился из ничего, наполнил тело и стал моей сущностью. Переливался по тканям, как тяжелый металл, стал головой, руками, телом. Ощущение, будто находишься в колоколе. Оглухший, одуревший от звука, и только чувствуешь вибрацию.

Впрочем, тела я не чувствовал. Только звенящую пульсацию. Что произошло?

Наверно, я упал на палубу и слышу сейчас корабельный колокол. Но почему сейчас? Еще не закончилось? Мысли плавали отдельно от меня, растворялись в пустоте. И собирать их не хотелось. Уж лучше пустота.

Я прислушался внутри себя. Среди хаоса в звенящем звуке различались отдельные оттенки. Я стал наблюдать за ними. Вот ударил набат, а после него, сдвинутые звуковой волной, задрожали колокольчики, мелко завибрировали и превратили звуковые волны во что-то мягкое, в пульсирующее тепло. Это тепло как-то быстро разлилось в пространстве и превратилось в резкую боль.

Спазм скрутил то, чем я был. Из пустоты проявилось ощущение пальцев, точнее, что-то твердое и холодное под ними. Твердое и холодное. Жив!

Открыть глаза не получилось.

Поднял пульсирующую звоном кисть и уткнулся твердыми, почти бесчувственными конечностями в бесформенную массу на лице. Это я? Изуродован, ослеп?!

Вместе с ощущениями пришел слух. Ветер, шум воды. И запах. Пахло водорослями и холодной землей, как на свежем кладбище. Я лежал ногами в воде и они покачивались в такт набегающим волнам.

Околевшие ноги не чувствовали ничего.

На руках, собирая бесчувственным лицом камни, я попытался отползти подальше. Наткнулся затылком. Большой кусок фанеры?

Перевернулся на спину, с трудом цепляя окоченевшими руками острые края, и натянул кусок дерева поверх себя. Как саркофаг.

Вибрирующий звон снова растворил мое тело. Шумы и запахи пропали.

Я умер.

Наш сухогруз проламывался через льды. Был апрель и у корабля появлялся шанс проникнуть в конечную точку без риска застрять посреди океана. Из сопровождения огромного судна были лишь 30 красноармейцев. Одним из них был я.

Досталось место у зенитных орудий, на носу корабля. Две недели я мерз открытый ветрам и откровенно скучал. Стрелять и обороняться здесь не от кого.

Что вообще могло быть в безжизненных льдах и мертвой ледяной воде, где даже микробы гибнут?

Но что-то было. И где находится конечный пункт, знал только капитан.

Но я догадывался, куда мы плыли. Погрузка вышла на мою вахту, и я видел, что завозили. По огромным металлическим ящикам, размером с дом, тысячам небольших деревянных коробок и тысячам продуктовых, что пронесли мимо меня, можно догадаться, что мы плыли к людям. Груз явно не предназначался для нас, значит был шанс, что меня не оставят на льдине по прибытии, а вернут обратно. К кому еще мы можем плыть, если не к геологам! Разрушения, взрывы и смерть были так далеко отсюда.

Обычно кораблям, перевозящим груз, давали сопровождение из боевых судов. Но наш рейс был настолько безынтересен для врага или наоборот, отличался секретностью, что командование решило не привлекать излишнего внимания и выделило для «операции» пехоту. Мы заняли у зенитных орудий места моряков, и те бездельничали, недружелюбно поглядывая на «охранение». На поверхности они появлялись ненадолго: подышать свежим воздухом и проветрить легкие от солянки. Курили, шептались и поскорее возвращались к машинному отделению – греться. Наверняка в межобеденный период жрали украдкой тушенку, поедая обширные, месячные запасы.

В отличие от команды, капитан не появлялся вовсе, закрывшись на долгие, тягучие недели в каюте. Возможно, он заходил в рубку, но мне снизу была видна лишь часть квадратных иллюминаторов, которые горели по вечерам желтым светом.

Мы же, «охрана» несли 12-часовые вахты на открытом воздухе: прятались от мороза в жиденький ворот фуфайки, оглядывали однообразные окрестности и мечтали о долгом забытье в урчащих моторами недрах грузового гиганта.

Чем дальше мы удалялись к полюсу, тем яснее становилось, что охрана нужна лишь «для вида». Скорее всего, дополнительные 30 людей должны были по прибытии стать грузчиками. Но как снимать с палубы 5-этажные коробки, веса в которых хватило бы не на один танк, мне не представлялось. Очевидно, для многих из нас разгрузка будет последним моментом.

Мои нерадостные размышления подтверждались тем, что охрану собрали из остатков разрозненных частей, которые выжили под обстрелами и не перемерли в окопах. Из всех людей я знал лишь одного человека – и то, мельком. Старый, контуженный дед, с забинтованной правой штаниной прямо поверх ватных штанов, стоял недалеко от меня, курил, блевотно кашлял, и изредка бормотал: «Вот тут ты, Сеня, идохнешь». И заливался тихим смехом. Со мной он не разговаривал. На пару попыток обратить на себя внимание отреагировал без интереса: посмотрел насквозь слезливыми, мутными глазами и отвернулся. «Тут идохнешь!» - злорадно думал я, поглядывая на сгорбленную фигуру.

Если будет разгрузка, от надрывов умрут многие. Слишком сияла палуба бинтами в кровавых пятнах и синюшными, больными лицами. Охрану, да и половину команды, набирали явно из госпитализированных. Я сам попал на «объект» лишь встав с больничной койки. Простреленная рука хоть и зарубцевалась, но еще страшно ныла, чесалась и отекала в морозном бездействии. Размять ее я не имел возможности: мешала толстая одежда, холод и тотальное безделие. Лишь раз я попытался размяться, отжавшись о высокий борт, но отрешенный голос старика оборвал и эти попытки. Не глядя в мою сторону он произнес: «Вспотеешь: воспаление и смерть». И плюнул с высоты в белесые волны.

Дни и недели слились для меня в единый поток. Я перестал различать даже время суток, ведь небо здесь почти не менялось. Сплошная пелена над головой чуть приглушалась ночью и загоралась по утрам. Синие пятна на небе, пропускавшие солнце, попадались так редко, что были для меня и всей команды настоящим праздником. Душа в такие моменты буквально пела от счастья. Даже злобливые моряки высыпали посмотреть на солнечные лучи. Но это было редким, и ожидаемым событием.

Разнообразие вносила в жизнь лишь смена вахты, когда сопливый, небритый армеец с жирным от постоянного утирания рукавом, заступал на мое место. Мы молча расходились, сталкиваясь плечами, он – зевать на морозе, я – вбивать внутрь холодную тушенку и забываться сном. И даже сны не радовали. Белые льды и серый океан вросли в сознание, выдавая по ночам такую же картинку.

В то утро я также мерз, скучал и умирал от скуки. Собственно говоря, ничего и не случилось. Просто из-за льдины впереди вдруг с грохотом и ревом вырвался самолет. Я даже не разглядел его. Машинально сдернул чехол, нажал на гашетку и попытался поймать мелькавший силуэт в поющий пламенем прицел.

На палубе два раза взвыла сирена и забил корабельный колокол. Потом что-то мягкое погладило меня по лицу. Так нежно касалась она, когда мы засыпали. Я вспомнил ее руки, родинку на ладони и упал в черноту.

Колокол отбил мое пробуждение. Звон и белая полоса перед глазами. Как простыня, она тянулась бесконечным полотном, меняя лишь оттенки. Движение белого завораживало, гипнотизировало и снова увлекало в сон. Но я хотел вырваться. Тянулся к этой белой простыне, пытался пробить ее головой. Но сил не хватало. Она была слишком податлива и не выпускала из своих объятий.

Я корчился, тужился, рвался изо всех сил, но ничего не получалось. Близилась слабость, следовало отступить. Из последних сил закричал и рванул вперед. Белое не исчезло, но простыня перестала двигаться. Свет изменился, стал другим, вместе с ним вернулась пульсация в голове и боль, благодаря которой почувствовалась каждая частичка тела.

Больше всего беспокоила грудь. Что-то навалилось на нее и не давало дышать. Слепота мешала понять что это! Я ткнул деревянными пальцами в лицо. Что-то холодное, жесткое, царапающее. Но боли не ощущалось. Стал ковырять бесчувственными ногтями эту уродливую маску и счищать невидимую грязь, пока не увидел свет. Яркое солнце било прямо в глаза. Так сильно, что я снова зажмурился. Полежал, привыкая к новым ощущениям.

На грудь давил огромный кусок древесины. Я был укрыт своеобразным одеялом из фанеры, на ней остались прибиты разломленные куски бревен, торчали гвозди.. Дерево было обожжено, но кое-где сохранились пятна зеленой, защитной краски. Похоже на обломки рубки, может быть, так оно и есть?

Через боль во всем теле оттолкнул этот гроб и сел. Меня окружала площадка, огороженная с одной стороны небольшим холмом, который мешал обзору, а с другой – океаном. Вода не преграждала взгляд, ее было столько, что возникала иллюзия: протяни руку и коснешься горизонта. Я не стал рассматривать дали, а поскорее перевел глаза. Голова кружилась, как на карусели. Тем более что фокусироваться было не на чем - только вода и проплешины льдин.

Ноги ощущались плохо, но в коленях согнулись. После безуспешной попытки подняться в полный рост, перевернулся на живот и оказался на четвереньках. Можно передвигаться.

Непослушными руками содрал мокрую, заледеневшую в корку фуфайку, снял, как кольчугу, свитер и выбрался из штанов. Рубаху пришлось разрывать на груди. Справиться с оледеневшими пуговицами не было сил.

По голому телу ударил ледяной ветер с океана, но ладони и колени чувствовали тепло от нагретых солнцем камней, и я повалился на них, всем телом прижимаясь к земле и подставляя кожу под живительные лучи, заткнул пару теплых, окатых булыжников подмышки. Валенки в галошах просырели насквозь. В них накидал теплые камни до самого верха и оставил сушиться под солнцем.

Тело возвращало к жизни, руки стали лучше сгибаться, но вместе с чувствами вернулись и неприятные ощущения. К боли в теле и суставах прибавился озноб. Зубы колотились как безумные, и я боялся, что они начнут крошиться, но остановить пляску самостоятельно не мог. Чтобы сберечь язык, отщепил от разбитого бревна палочку и вставил в рот.

Занозистая палка была насквозь влажной и соленой. Но такой вкусной! Я вцепился в нее танцующими зубами, стал высасывать воду и соль, смаковать. Даже замычал от удовольствия. Но нужно прогреться. Нужно двигаться!

Суставы разламывались от боли, поэтому, зажав покрепче палку в зубах, поднялся. На искривленных ногах, в позе кавалериста, приподнял щит, служивший одеялом, и подтянул к стенке холма. Получилось что-то вроде шалаша с покатою крышей. Потом выломал бревна и обложил с двух сторон вход. Протиснулся внутрь.

Места практически нет, однако можно было сесть, наклонив голову.

В крупные щели попадал воздух, но он уже не обжигал.

Я выбрался по-пластунски и стал обкладывать жилище камнями. Когда получился курган, вычерпал руками мокрую грязь у воды и залил щели в камнях. Грязь попадет внутрь, зато когда высохнет, доступа для холодного воздуха не останется.

Со стороны наверно казалось, что на берегу дикарь. Голый, на кривых, не гнущихся ногах, с палкой во рту. Но мне не было смешно, потому что вместе с холодом ожидала смерть. На тысячи километров вокруг никого, кто мог бы помочь, и все усилия стоили жизни. Замерзнуть в окружении льдов, было легко за 2-4 часа, и уже к вечеру одинокого, чуждого этой природе человека, могло не стать.

Физические нагрузки дали каплю тепла, но энергия убавлялась. Трясущиеся от холода мышцы выбили из сил, и я повалился на землю. Небо затягивало облаками, наступал холод. Благодаря солнцу, которое подарило подсохшую одежду, натянул влажные штаны, фуфайку, натолкал под пуговицы еще теплых, разогретых камней, поближе к груди, и упал в небытие, едва забрался в импровизированный дом.

Ночь едва не убила меня.

Лихорадочный озноб колотил так, что сдвинулся шалаш. Часть камней осыпалась, но я не рискнул выбраться наружу. Лишь напрягал мышцы, чтобы привести тело в движение. С первыми же лучами солнца выбрался из шалаша и стал прыгать вокруг, пытаюсь согреться.

Хотелось есть, но еще больше – пить. Соленая палка, обсосанная вчера, высушила язык и растрескала губы. Самое обидное, что воды вокруг полно, но выпить ее означало погибнуть.

Жадно оглядываясь на океан, я стал подниматься на холм, что приютил меня у подножия. Без воды и еды я скоро погибну, стоило торопиться. Холод мучил меня, но уже не убивал. Если небо будет благосклонно, пелена отступит, и я снова погрюсь в лучах.

На холме дул ветер сильнее. С небольшой высоты открывался прекрасный обзор. Передо мной на несколько километров были горбины таких же однообразных холмов, за которыми виднелось огромное белое пространство – замерзший в лед океан, а вдали, в утреннем тумане, проступали горы. Добраться до гор не представлялось возможным, да и не нужно. Я не найду там ничего кроме заснеженных вершин. Разве что смерть. Но она ожидает меня и здесь. Куда ни глянь – мертвая, промерзшая земля.

Апрельское солнце все же спасало меня, и будучи невидимым за облаками. С высоты я заметил холм, который отличался по цвету от других. В отличие от серых однотонных собратьев, этот зеленел какой-то растительностью. Ей оказалась обыкновенная трава. Бледная, не сочная, но достаточно густая. Я выкопал целый пук вместе с корнями, промыл в океане и сжевал. Коренья были горькими, суховатыми, но глотались вполне терпимо.

Впрочем, уже через час я пожалел, что съел их. Сухая растительность высушила желудок и навела глубокую, изнуряющую икоту. Чертова трава буквально выжигала меня изнутри! Тошнило, желудок сделал пару спазмов, чтобы выбросить чужеродное вещество, но не хватило сил. Трава прочно засела в высыхающих кишках. Я открыл рот и схватился за живот. Умереть от засухи в окружении триллионов тонн воды не хотелось. Дополз до океана и наглотался соленой воды. Холодной, бодрящей до костей, и такой вкусной. Но радость была не долгой. Вода не задержалась внутри и фонтанировала тем же путем, что и зашла.

Внутренности разрывались на куски, казалось, они выжжены. В таких муках заполз в палатку и, корчась, незаметно уснул.

Мне показалось, что кто-то кричит. Наверное, сон? Кричать здесь некому и незачем. Однако я вылез наружу и крикнул в ответ. Звук не получился. Я был высушен как мумия. Глотка превратилась в камень, а губы открыто кровоточили. Пить!

Оглядывая округу диким взглядом, я бездумно побрел по каменному острову. В голову приходили безумные мысли. Нечего ждать, незачем пытаться себя, я все-равно умру. Лучше сделать это легко, чем лежать еще неделю и тихо погибать.

Одиночество не страшило, две недели я провел и на корабле, без общения, но я понимал, что умру без воды. Куда ни глянь – тишина и пустота. Никого и ничего. Ждать нечего! Утопиться в океане, головой об камень, выпить свою кровь и умереть хотя бы насытившись влагой? Безумная фантазия рождала все новые способы самоубийства. Пока до меня неожиданно дошло: если есть трава, значит где-то проходят и пресные воды!

В низине, между холмов, была более мерзлая земля, и я стал выцарапывать ее ногтями, пытаюсь сделать углубление хоть в 5 сантиметров. Потом побежал к жилищу, выломал кусок и без того растерзанного бревна, насажал в пальцы заноз и принялся копать землю импровизированной лопатой. Дело пошло быстрее, но воды не было. Исковыряв низину, измучившись и понимая, что натурально схожу с ума, я в отчаянии закричал. В ответ мне раздался громкий и протяжный вой.

Я замолчал моментально. Подсознательный страх перед животным, которое оказалось здесь кроме меня, заставил сжаться горло, поэтому оставшееся дыхание на крике вышло уже хрипом. От неожиданности я присел на корточки. Замерзшие суставы с радостью откликнулись болью.

Страх гнал назад, но любопытство взяло верх. Я, осторожно выглядывая из-за холмов, стал пробираться вперед. Закричал еще раз – в ответ протяжный вой. Повернул на звук голову и стал продвигаться.

Это была примерно середина каменного острова. Передо мной открылась бухта, которая глубоко прорезала сушу почти до самой середины. Она находилась между двух больших холмов, поэтому я и не заметил ее раньше, с окраины.

Бухта была полностью покрыта льдом, а в основании, у обрыва, виднелось незамерзающее озеро. Метров пять в диаметре, не больше. Оценить диаметр видимой с высоты воды я смог благодаря собаке, которая находилась неподалеку. Даже отсюда видно, что это по-настоящему огромное животное. Я плохо разбирался в собаках, но как подсказывала память, порода «водолаз». Большое, как теленок, животное с длинной черной шерстью. Сука: отвисшие железы были видны даже отсюда.

Собака была увлечена делом и не замечала меня. Старательно тащила от стены к проруби какой-то черный мешок. Из него торчали по сторонам обрубки. На одном из обрубков я заметил черный крест в белой окружности. Это человек!

Собака подтащила труп к проруби и принялась раздирать зубами ткань. Я отвернулся.

Откуда здесь быть человеку? Поблизости нет строений. Был бы дым, звуки. Да и что здесь делать людям. Наверно это такой же несчастный, который выжил с корабля. И собака наверняка оттуда же. Человек был пленный, хотя странно, почему с него не содрали знаки отличия. И собака наверняка с сухогруза. Одичала. Может быть, даже, это собака капитана.

Меня смущал еще один факт – самолет, который атаковал корабль. Но поблизости нет и не может быть военных баз. И взлетной полосы не видно, куда ни глянь. Скорей всего это заблудившийся летчик, который без горючего пошел на дно вслед за потопленным кораблем.

Я не стал привлекать внимание обезумевшей убийцы, которая наверняка с рождения жила с людьми. «Неблагодарная с-сука» – прошептал я. Пленного не жаль, но собака кинулась на человека. Нужно убираться, пока и я не оказался в зубах.

Уже намереваясь уйти, последний раз посмотрел в сторону пирующего животного, как

неожиданно был остановлен зрелищем. Даже рот открыл от удивления. Собака, насытившись, подошла к проруби, будто собиралась попить после жирного обеда, но вместо этого вдруг с визгом кинулась в воду и скрылась подо льдом.

Онемев в одной позе, я смотрел на животное, которое решило покончить с собой. Вот это «водолаз»!

Шансов выбраться из-подо льда у нее не было, тем более, в холодной воде. Через минуту я окончательно понял, что животное сошло с ума и погибло. И стал спускаться к воде.

Прорубь, труп и длинный след от мертвеца. А еще лед толщиной в метр. Больше ничего. О собаке напоминало только огромное количество следов на снегу. Похоже, она бегала вокруг воды не единожды. Что ей нужно здесь? Учужала в воде еще один труп?

Мертвец был растерзан собакой в груди и на шее, но крови не было. Она явно загрызла его не здесь, все уже замерзло. Белое лицо перекосило. Враг застыл, раскинув руки, будто обнимал кого-то перед смертью. Или отталкивал.

Я снял с этой замерзшей статуи шапку, сапоги и носки. Остальное оказалось растерзано и я побрезговал. Все-таки жаль, что собака убила его. Вдвоем лучше. Хотя какая разница, в компании помирать или нет.

В карманах не нашлось ничего, кроме связки ключей. Это озадачило еще больше, чем утопленница-собака. На корабле был пленный, со знаками отличия, еще и с ключами в кармане? Не похоже на реальность. Или это заблудившийся летчик? Выпрыгнул с парашютом, когда кончилось топливо. Но одет он как типичный пехотинец. Бред.

Голод мучил так, что начала кружиться голова. Я наклонился над трупом, заглянул в лицо и с хрустом отломил палец. Нет, это не для себя.

Высокие вражеские сапоги на меху понравились. Они были явно предназначены для этих мест. Это не валенки с галошами. Ноги сперва задубели в промерзшей обуви, но потом разогрелись, утопленные в мех, и толстая подошва приятно запружинила при ходьбе. Валенки тоже пригодятся. Раздеру пополам и засуну под фуфайку. Будут согревать спину и грудь.

Произошедшие события настолько изумили меня, что я даже не обрадовался, когда увидел, что в одной из расковыранных мною ямок собралась вода. Грязно-желтая, с осевшими частицами. Я устало плюхнулся на колени и жадно выпил все, что натекло.

С водой проблем решена, как быть с едой? Уже знал! Зубами осторожно оторвал от фуфайки длинную полоску, вдоль рукава. Сразу же полезла вата, но это ничего, после того, как она намокла, уже не будет пушиться, сваленная. Оторвал еще одну. Потом еще. Все-таки вата падала из меня, как из старой игрушки. Будет холодней, но сейчас страшно не это.

Из полосок я сплел веревку. Получилась не очень длинная, но мне большую и не нужно. Сложнее сделать крючок. Гвозди, торчащие из фанеры, стали спасением, но я окончательно измучился, пытаюсь согнуть из них нужную фигуру. Силы покинули меня, восполнить их можно только едой. Ели рыбалка не получится, мне конец.

От напряжения, холода и усталости голова кружилась, как от алкоголя. Это даже приятно, но действовать я уже не мог. Забрался в палатку и отключился.

Не знаю, день был, ранее утро или ночь. Когда я открыл глаза, оказалось светло. Валенки спасали меня, создавая дополнительную прослойку между телом и голыми камнями. В моей «каморке» или «келье» как я стал называть ее, относительно тепло. По сравнению с пронизывающим ветром, что был снаружи – точно!

Выбирался я с трудом и вяло. Нужно торопиться, последний шанс. Конечно, оставался еще один, но не хотелось даже думать, что буду глотать чей-то обмороженный труп.

Смело выломав бревно из «стены» жилища, привязал к нему веревку и самодельный крючок. Разломил пополам вчерашний палец и насадил на согнутый гвоздь. Бросил бревно с наживкой в воду и оттолкнул подальше от берега. Господи, если ты есть, помоги мне!

Осталось последнее, что можно сделать для спасения. За несколько дней, что я провел в каменной тюрьме, найденное на берегу дерево подсохло. Я без жалости разломал одну из стен на мелкие щепки и сложил пирамидку. Остальное приберег напотом.

Прошло пол часа, час или целая вечность, я не знал. Я вообще не замечал ничего, кроме двух щепок, которые старательно тер друг о друга. Руки горели, уже были сорваны и безумно щипали ладони, но я не останавливался. Мне нужен был уголь. И он затлел под моими пальцами. Сперва неуверенно, а потом загорелся красной точкой и уже не остывал, охраняемый трясущимися руками. Пот заливал глаза, но я видел, что огонек уже схватил первую жертву и щепочки затрещали, пуская дым в счастливое лицо.

За процедурой я не заметил, что Бог услышал меня. Стремительно отплывающее от берега бревно увидел только направившись к воде - смывать копоть, разъедавшую глаза. Не мешкая ни секунды, разделся догола, скинул сапоги, и бухнулся в ледяную воду. Терять нечего.

Дыхание остановилось, пульс за пару секунд ускорился в разы, рискуя разорвать сердце. Задыхаясь, широкими взмахами догнал бревно, повис на нем и вытянул веревку.

Сделать это оказалось не легко. Огромная рыбина висела на моем крюке. Гвоздь прошел через жабры и рыба задыхалась, как и я сейчас. Она на веревке – я на бревне.

На берег выбирался скрюченный, в судороге, в облаке пара, с остановившимся дыханием. Но не потерял добычу. Дополз до огня, выпустил из зубов рыбину, и она плюхнулась прямо в огонь. Я рухнул рядом.

Почти сразу зашипел рыбий жир и одурманивающе запахло жареным. Не сводя с будущего блюда глаз, как будто оно могло убежать с костра, я оделся. Без сожаления распинал жилище, вывернул из камней остатки древесины и распалил большой костер. Грелся, любовался цветным пламенем, которое дико смотрелось посреди бело-серого окружения, и вгрызался в шипящее мясо.

Что будет завтра или уже сегодня ночью меня не заботило. Жажда пищи и дурманящие вкусовые ощущения заполнили полностью. Они владели мной.

Я жив!!!

Потом затоптал сапогами угли и распластался прямо поверх них, на раскаленных камнях.

И тут же забылся.

Вернул мой рассудок не холод.

Страшный, притягивающий вой поднял на ноги в секунду. Я сразу понял, что это не сон.

Это она, Сука.

Жива?!!

Вой повторился еще раз. И еще.

Нет, я сошел с ума. Как и утонувшее животное когда-то.

Оно бросилось в воду и следует последовать за ней.

Животное поняло, что скоро умрет. А что буду делать здесь я? Кромсать труп, ловить рыбу, но что потом? Холод все-равно убьет. Или безумие. А оно наступило.

Зови меня. Я иду к тебе! Я твой самец!!

Я оскалил зубы и побежал на вой.

Ямки, расковырянные в низине на досуге, уже наполнились водой. Я не стал утолять жажду после жареной рыбы, ведь она звала меня, торопила. Вечная Собака.

И я не удивился, когда обнаружил ее на берегу проруби. Как и раньше, она выедала мертвеца, а потом вдруг повернулась и прыгнула в воду.

Поскуливая, сделала в проруби почетный круг и нырнула.

Я засмеялся счастливый. Вечная собака! Значит и я вечный, мы не утонем!!

Я побежал с холма и притормозил лишь у самой кромки.

Здесь что-то изменилось..

Появился еще один труп. Один почти изъеден, а другой еще не тронут.

Может быть, я вижу себя? Это мое тело лежит рядом? Вон, сапоги такие же, шапка, худое белое лицо.

И только свастика на руке второго мертвеца говорила, что это не я.

Я подобрался к краю проруби и заглянул.

На меня уставился незнакомый человек. Черные, провалившиеся, как у неживого, глаза, щетина. Вот это был я.

За лицом была черная пустота.

Что там?

Ледяная вода стиснула голову и моментально привела в чувство.

Я отпрянул. Холодные капли стекали по шее и леденили спину, но это отрезвляло.

Ждать нельзя, иначе я снова замерзну.

Скорей, что там?! – и погрузился в прорубь по самые плечи.

Вода на удивление была очень прозрачной. Хорошо проглядывалось дно.

Лед пропускал солнечные лучи и равномерно, как через фототкань, освещал дно.

Я различал камни на глубине 5-7 метров, пузырьки воздуха, видел затонувшую канистру для бензина и веревку, спускавшуюся вниз, на дно. А потом я приподнял голову и увидел ее.

Черный силуэт колыбался в метре от дна и закрывал большую часть видимого пространства.

След от мертвецов тянулся к одной из стенок холма. Я шел по нему как по накатанной дороге от саней. Идти пришлось не далеко. Скоро я уперся в камень. За ним, как за ширмой, скрывался узкий проход. Пещера! Трупы вытаскивали явно отсюда.

Почти сразу за входом я увидел огромную будку и оборванную цепь. Здесь, видимо, и жила раньше собака.

Над будкой видел разбитый фонарь, от него шли провода вглубь пещеры.

Она оказалась не настолько большой, как я ожидал, всего метров на 20 вглубь. Железная дверь преграждала вход в помещение, заставленное многоярусными койками, железными шкафами (судя по всему с оружием), а также ворохом картонных коробок под еду. Стол, печка, работающая на бензине и все. Больше ничего, если не считать лежавших на полу двух трупов.

Сколько я не искал, еды не обнаружил. Зато нашлась вода в железных канистрах. Она замерзла и пришлось переворачивать канистры, чтобы нацедить немного несмерзшегося остатка.

Топлива в печке кончилось, а пустые бочки, стоящие в глубине помещения, гулко отзывались на стук.

В помещении стоял холод и воняло псиной. Делать здесь нечего.

Зато в шкафу я обнаружил четыре автомата и водолазные костюмы.

Втиснулся в один и накинул поверх фуфайку.

Ласты не понадобятся, тут не глубоко.

Диверсантов одевали хорошо. Я никогда не видел такого удобного и теплого костюма. В таком, наверно, не замерзнешь и при 30 градусном морозе. А с верхней одеждой в нем вообще можно жить на Северном полюсе.

Уже подошел к краю проруби и стал стягивать сапоги, когда навстречу вдруг выскочила мокрая собака.

Я так и замер с сапогом в руках. Она остановилась, оскалила зубы, потом, будто опомнившись, начала отряхиваться. Брызги полетели во все стороны, но животное не сводило с меня глаз.

Кинуть в нее сапог и бежать к пещере? А добегу? Сука была по бедро. Настоящая лошадь, а не собака. Догонит в два прыжка. И тогда у проруби будет еще один труп.

С моей стороны было глупейшей ошибкой не взять автомат. Но я не собирался стрелять, я собирался нырять!

А собака отряхнула шерсть и стояла, скалив зубы. Я же стоял с сапогом и смотрел на собаку.

Она изучала меня внимательным, и беззлобным взглядом. Сытым.

- Чего тебе надо? – сказал я как можно более спокойно. - Загрызешь и меня? И что потом? Как ты выберешься отсюда, когда съешь всех нас?

Она оскалилась и зарычала.

- С-сука! – сказал я тихо, но с чувством.

Собака снова оскалилась и сделала шаг вперед. Я по инерции выставил руку, защищаясь.

- Ты не понимаешь? – заорал я тогда, - Я такой же, как ты! Мы здесь подохнем, если останемся! И ты! Ты тоже подохнешь!

Не знаю, поняла она или нет, потому что я прыгнул навстречу собаке, ударил сапогом по морде и рухнул в воду.

Водолазный костюм защищал тело, да и второе купание пошло легче, после катания на бревне с рыбой в зубах. Но все-таки я понимал, что уже не выберусь на поверхность. Убьет или холод или собака.

Подводная лодка чернела впереди большим силуэтом. Вода искажала изображение, но было понятно, что в ней не больше 10-12 метров. Субмарина висела невысоко от дна, до

поверхности оставалось большое пространство. В обычное время прорубь, видимо, служила зоной посадки. Но должен быть и нижний люк. Как-то попадала собака сюда! Наверняка внутри тепло, иначе зачем ей прыгать в ледяную воду.

Я попытался занырнуть под днище. Сделать это оказалось не легко: воздух в легких заканчивался, а ледяная вода уже предательски сводила ноги судорогой. Я оттолкнулся от гребного винта, запарил под днищем, как птица, обшаривая поверхность руками. Добрался до середины корпуса, когда понял, что тело слабнет и обмякает. Голова мягко легла на дно. С таким комфортом и расслабленностью я не лежал последние 3 недели.

Меня даже не рвало. Видимо губы сжались в последней судороге и закрыли доступ для воды.

Я лежал на металлической поверхности. Горел свет. Я в подлодке!

В глубине корпуса тихо урчал двигатель. Он не только давал освещение, но и обогревал кабину. Видимо, не отключался с момента, как его завели в последний раз. Когда это было? Сутки назад, неделю, месяц? Я не разбирался в морских двигателях, но понимал, что топлива на месяц не хватит. Значит, может заглохнуть в любой момент.

Я лежал около узкого люка. Внизу плескалась вода и было видно дно бухты.

Позади шевельнулись. Я повернул голову: там стояли вмонтированные в пол четыре мягких сидения. На одном из них сидела собака. Молча скалила зубы.

- Что, сука, вытащила меня? – пробормотал я, - Так сильно жить хочется? Ну, спасибо.

Стараясь не делать резких движений, медленно встал и перебрался на первое кресло, где торчал из пола штурвал. Как в самолете.

Я понятия не имел, как выглядит штурвал в самолете, но сейчас мне показалось, что именно так.

Иллюминаторов нет, значит нужно идти по приборам. Передо мной от пола до самого потолка было множество круглых датчиков и выключателей непонятного назначения. Приборная доска напоминала безумный автомобиль. По крайней мере, какие-то приборы были похожи, я узнавал их. Вот это уровень топлива. Он почти на половине, а вот это, наверное, масло - или черт знает что еще. Заряд электричества распознал по соответствующей загогулине на табло.

Собака дышала в затылок и тошнотворно воняла мокрой шерстью.

Когда я протянул руку к дальнему выключателю, она зарычала, но осталась на месте. - Заткнись, сука! – сказал я собаке и уверенно дернул штурвал.

Знал, что у меня получится..

Вячеслав Иванов